

Я. Г. Шемякин¹**ТИП РАЦИОНАЛЬНОСТИ КАК ОСНОВА ЦИВИЛИЗАЦИОННОЙ
АЛЬТЕРНАТИВЫ: О ДУХОВНЫХ ФАКТОРАХ
СОВРЕМЕННОГО ПРОТИВОСТОЯНИЯ ЦИВИЛИЗАЦИЙ**

Главной линией водораздела, по которой проходит геополитическое размежевание современного мира, является противостояние двух тенденций — утверждение (в той или иной форме) западной гегемонии и формирование полицентрического мироустройства, что означает столкновение двух противоположных по своей сути альтернатив развертывания цивилизационного процесса. В основе каждой из этих альтернатив лежит соответствующий ей тип рациональности.

Главные черты духовного облика современного коллективного Запада определяет «формальная» рациональность, в которой, как убедительно показал М. Вебер, воплотился «дух капитализма»². Попытка обобщить результаты исследований как самого М. Вебера, так и представителей «веберовского ренессанса» 1970–1980-х годов привела автора этих строк к выводу, что можно выделить три главных признака этого типа рациональности:

1) «всеобщая калькулируемость»: имеют значение только и исключительно количественные характеристики того или иного объекта познания (явления, про-

цесса и т. д.), качественные характеристики в расчет не берутся. Проще говоря, все можно сосчитать;

2) всеобщая познаваемость: раз все можно сосчитать, все можно познать. Нет и не может быть никаких сфер действительности, которые не могли бы быть освещены светом разума, есть только еще не познанные человеческим разумом, нет никаких тайн, в принципе ему недоступных: «мир расколдован»³;

3) раз все можно познать, миром (во всяком случае в той его части, которая доступна человеческому воздействию) можно управлять. А раз так, то и человека в принципе, опираясь на совокупность данных различных наук, можно запрограммировать, полностью определив его поведение во всех сферах жизни и лишив тем самым свободы выбора.

Разумеется, к этому типу рациональности западная цивилизационная традиция несводима: в духовном космосе «фаустовской» цивилизации всегда наличествовали и иные, в том числе прямо противоположные по своему содержанию «формальной» рациональности, разновидности разумности⁴ (которые в настоящее время проявляют себя очень слабо, не оказывая сколько-нибудь значимого воздействия на общий духовный климат западноевропейского и североамериканского обществ), однако главные цивилизационные характеристики Запада определяет именно формально-рациональный подход к формированию основных направлений и характера человеческой деятельности в ключевых областях социального бытия.

Представляется особенно важным следующее обстоятельство. Дуальная оппозиция веры и разума, двух основных способов духовно-практического освоения человеком мира, противоречие между которыми слу-

¹ Главный научный сотрудник Института Латинской Америки РАН, доктор исторических наук. Автор более 250 научных публикаций, в т. ч. книг: «Европа и Латинская Америка: Взаимодействие цивилизаций в контексте всемирной истории», «История мировых цивилизаций. XX век», «В поисках смысла. Из истории философии и религии», «Латинская Америка: традиции и современность» и др.; глав в коллективных монографиях: «Иberoамерика: культурная идентичность в эпоху глобализации», «Перспектива устойчивого развития. Апелляция к общемировым и латиноамериканским реалиям» и др.; статей: «Еще раз к вопросу о специфике гуманитарного знания в свете проблематики сравнительных цивилизационных исследований», «Культурный трансфер как взаимодействие идентичностей: опыт различных цивилизационных типов в универсальном контексте», «Постколониальные проблемы межцивилизационного диалога» и др. Член Ассоциации исследователей иberoамериканского мира. Отмечен Почетной грамотой Министерства науки и высшего образования РФ.

² Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990.

³ Вебер М. Указ. соч. С. 714.

⁴ См.: Шемякин Я. Г. Колумб, открывший Другой Свет: вера в разум в духовном космосе латиноамериканской цивилизации // Латинская Америка. 2007. № 3. С. 78–92.

жит главным источником развития творческих потенций *Homo sapiens*, человеческой культуры, приобретает в рамках формально-рационального видения характер антагонизма. Причем полюс веры практически полностью подавлен, его связь с противоположным полюсом рации блокирована, в результате их противоречие не может развернуться, источник развития «пересыхает», что приводит к глубочайшему кризису цивилизации, разрушению ее духовной основы — процессу, который зафиксировал Ф. Ницше в своей знаменитой формуле «Бог умер». Хотя появление «формальной» рациональности исторически связано со становлением определенной христианской конфессии, протестантизма с его освящением мирской деятельности (и соответственно успеха в этой деятельности), все же по своей главной интенции данный тип рациональности противоположен религиозному сознанию как таковому в любой его разновидности, ибо из принципов формально-рационального подхода прямо следует отрицание реальности тех измерений вечности и бесконечности в человеке, которые и являются фундаментом полюса веры в его духовном космосе.

«Формальная рациональность» осуществила и по сей день продолжает осуществлять мощную экспансию по всему миру. Однако ни на одном из этапов исторического развития она не могла полностью подавить иные разновидности человеческого рации, наличествующие в духовном строе неевропейских культур, в первую очередь основных цивилизаций незападного мира. Особенно ярко они проявляют себя в духовном строе стран БРИКС, базирующемся на соответствующих цивилизационных традициях. Все они, разумеется, сильно отличаются друг от друга. Тем не менее, несмотря на очевидную колоссальную разницу между конфуцианской в основе своей рациональностью Китая, индуистской рациональностью Индии, иберокатолической рациональностью Латинской Америки, рациональностью ислама, пожалуй, наиболее ярко проявившей себя в суфийской традиции, попытками обосновать особый «африканский» тип мышления в рамках концепции *убунту* в Южной Африке, православным рации России, опирающимся на византийское наследие, все они относятся к одному типу, качественно отличному от «формальной» рациональности. Наиболее точно его специфику можно выразить с помощью термина «ценностная рациональность»¹. Главное, наиболее существенное отличие ее от «формальной» рациональности: ключевое значение придается качественным характеристикам объектов познания и деятельности человека разумного. Стержнем, пронизывающим этот тип мышления и обуславливающим его цельность, является процесс целеполагания: здесь всегда присутствует представление о высшей цели, стремление к которой в конечном счете — единственное, что придает смысл формально-логическим операциям. В силу этой особенности данный тип рации не замкнут на себя, в отличие от «формальной» рациональности, и потому открыт для поиска путей создания каналов коммуникации с полюсом веры и достижения того баланса между верой и рации, который не-

обходим для обеспечения онтологического равновесия цивилизации².

Подобное равновесие, не исключая глубокой противоречивости взаимосвязи полюсов духовного космоса, в то же время предполагает, что их противоречие перестает носить характер антагонизма³. Баланс между верой и рации необходимым образом предполагает отказ от абсолютистских претензий человеческого разума и соответственно от постулируемых формально-рациональным подходом претензий на потенциальное всеведение и всезнание, а значит, и признание того, что невозможно достичь идеала тотальной управляемости доступной *Homo sapiens* частью мироздания, в том числе и самим человеком.

Именно на ценностной рациональности, опирающейся на собственные цивилизационные традиции, основано то альтернативное западнцентристскому подходу понимание феномена модернизации, которое объединяет, в частности, членов БРИКС⁴. В его основе — идея о том, что ни о каком подлинном обновлении не может быть речи, если не достигнута цель творческого синтеза местной цивилизационной традиции и базовых ценностей модернизации — свободы выбора во всех сферах деятельности и рациональности. Ценностей, впервые сформулированных и воплощенных на практике в ареале «фаустовской» цивилизации, но универсальных по сути⁵.

Именно ценностная рациональность лежит в основе того (наиболее ясно и полно сформулированного М. Бахтиным) принципа диалога, который служит главным духовно-ценностным обоснованием движения к полицентричному миру⁶. Ядро бахтинской концепции — такое решение проблемы Другого, которое предполагает рассмотрение его как равноправного участника диалогического общения, сохраняющего свою идентичность и включение в собственное жизненное и смысловое пространство осуществляющей постоянный процесс самоидентификации цивилизации в качестве его неотъемлемой составляющей.

Такой подход прямо противостоит тенденции монологизации диалога (то есть превращения его в собственную противоположность), основанной на логике «формальной» рациональности⁷.

Именно ценностно-рациональный подход к реалиям человеческой жизни типичен для религиозно-философских систем незападных цивилизационных традиций.

² См.: *Шемякин Я. Г.* БРИКС в свете цивилизационного подхода // Новая и новейшая история. 2015. № 1. С. 28–38.

³ См. подробнее: *Шемякин Я. Г.* Парадокс как когнитивная основа цивилизационного исследования. К вопросу о роли предпосылочного знания // Общественные науки и современность. 2020. № 4. С. 146–148.

⁴ Цивилизационные вызовы во всемирно-исторической перспективе. М.: Аквилон, 2018. С. 178–310; *Шемякин Я. Г.* БРИКС в свете цивилизационного подхода.

⁵ *Шемякин Я. Г.* Модернизация как процесс межцивилизационного взаимодействия // Цивилизации. Вып. 10: Модернизация и цивилизационные вызовы XXI века. М.: Наука, 2015. С. 107–146.

⁶ *Шемякин Я. Г.* Принцип диалога как духовная основа движения к полицентричному миру // Глобальный конфликт и контуры нового мирового порядка: XX Междунар. Лихачевские науч. чтения, 9–10 июня 2022 г. СПб.: СПбГУЦ, 2022. С. 304–306.

⁷ См.: *Бахтин М. М.* Эстетика словесного творчества. М.: Книга по требованию, 2013. С. 197, 328–329, 336, 353–354, 366.

¹ *Вебер М.* Указ. соч. С. 21.

Учитывая ограниченный объем данного доклада, позволю себе сослаться в связи с этим лишь на два примера, не имея возможности их проиллюстрировать. На мой взгляд, принцип ценностной рациональности нашел особенно яркое проявление в одном из главных конфуцианских канонов «Да сюэ» («Великое учение», установки которого сохраняют актуальность для современного Китая¹) и концепции великих каппадокийцев (Василий Великий, Григорий Нисский, Григорий Богослов, он же Григорий Назианзин), получив-

шей дальнейшее развитие в современной творческой православной мысли².

Анализ современной ситуации неизбежно приводит к выводу, что духовное пространство незападных цивилизаций являет собой в настоящее время картину крайне напряженного и в высшей степени противоречивого взаимодействия двух типов рациональности: формальной рациональности Запада и ценностной рациональности, опирающейся на собственное культурное наследие этих цивилизаций.

¹ *Кобзев А. И.* «Великое учение» и учения великих конфуцианцев. М. : Издат. дом «Экономическая газета», 2011. С. 24, 29, 30, 32 ; *Малявин В. В.* Восток, Запад и Россия. М. : ЗАО «Журнал Эксперт», 2005. С. 310, 311, 314.

² *Григорий Нисский.* Большое согласительное слово, разделенное на сорок глав // Мистическое богословие восточной церкви. М., 2001 ; *Флоровский Г. В.* Восточные отцы IV в. М., 1992 ; *Померанц Г. С.* Выход из транс. М. : Юрист, 1995. С. 332–335 ; *Он же.* Вокруг предвечной башни // Дружба народов. 1996. № 10. С. 152–153 ; *Чурсанов С. А.* Троичный принцип единства в различии в богословии великих каппадокийцев и православной антропологии XX–XXI веков // Духовное наследие Византии и Афона в истории и культуре России : материалы конф. (2007–2015). М. : Древлехранилище, 2015. С. 105–114.